

ОБРАЩЕНИЕ ГОСПОДА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

А. А. Сомин¹, Е. М. Гриднева²

¹ Российский государственный гуманитарный университет
125993, Россия, Москва, Миусская площадь, 6
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5793-8644>

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
105066, Россия, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4, стр. 1

Поступила в редакцию 23.04.2020 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-8

Посредством метода корпусного анализа исследуется история обращения господина и других устойчивых обращений, включающих в себя это слово (дамы и господина, господина-товарищи и под.), а также сочетаемость слова господина в функции обращения с другими существительными и прилагательными (господина публика, уважаемые господина и под.). На примерах из литературы показано: хотя обращение дамы и господина не является неологизмом конца XX века, как принято считать, для дореволюционного периода оно все же скорее маргинально. Также на конкретных примерах демонстрируется, что до революции обращение господина редко могло использоваться по отношению к смешанной, а не только мужской аудитории. Исчезнув после революции, это обращение вернулось во второй половине XX века, причем доля его употреблений по отношению к смешанной аудитории выросла по сравнению с дореволюционной, несмотря на параллельный рост количества обращений дамы и господина. Вероятно, это в большей степени объясняется экстралингвистическими причинами. Отдельное внимание уделяется особенностям употребления обращения господина в переходные периоды: в начале и в конце существования Советского Союза, а также после его распада.

Ключевые слова: обращения, господина, дамы, речевой этикет, товарищи, революция

1. К постановке проблемы

У современного носителя русского языка есть определенные представления об истории обращений в русском речевом этикете: до революции 1917 года были *господин* и *сударь*, после нее пришли *товарищ* и *гражданин*. После 1991 года советские обращения исчезли, а вместо них попытались ввести дореволюционные, однако они так и не прижились. Различаются эти представления лишь тем, кто, по мнению носителей языка, пытался вернуть дореволюционные обращения в общественную жизнь — политики, ученые, журналисты и т.п. Ср., например, описание в (Шафигов 2012, с. 136) (в этом разделе выделение полужирным наше, курсивом — авторов. — А. А., Е. М.):

Усилиями либеральных реформаторов и модных журналистов парадигма *господин / госпожа, дамы и господина* стремится заменить антигендерную форму *товарищ*.

Больше расхождений можно найти в представлениях об истории и правилах употребления формулы обращения *дамы и господа*, причем не только среди рядовых носителей языка, но и у лингвистов. Так, распространенным является представление о том, что эта формула, как и *господа*, существовала до революции:

В дореволюционной России была чрезвычайно сложная система обращения. <...> Помимо этого использовались... обращение «**дамы и господа**», а также «сударь», «барин», «барышня» и пр. (Кабакчи, Прокшина, 2012, с. 168).

С начала 90-х гг. 20 в. обращения... *господа, дамы и господа возвращаются* в официальную и публицистическую речь (Пахомова, 2008, с. 13).

Причем встречается оно и в работах известных лингвистов:

В соответствии с **дореволюционным этикетом** нужно говорить: *дамы и господа* (Кронгауз, 2007, с. 78).

Реабилитация **архаичных обращений** типа *барышня* или *сударь*, а также *Дамы и господа!* достойна уважения. <...> **В XIX в.** ... само по себе слово «*дама*» практически не использовалось в качестве самостоятельного обращения (исключение – сочетание «*Дамы и господа!*») (Ефремов, 2010, с. 45–46).

И в «Словаре русского речевого этикета»:

Дамы и господа. а) **В доревол. России** – офиц.-вежл. обращение к привилегиров. публике (Балакай, 2001, с. 128).

В других публикациях это обращение называется продуктом XX века, однако авторы расходятся в том, откуда оно пришло в русский язык:

Курьезный адресив *дамы и господа* возник в результате неправильного перевода (более правильный перевод **французского** обращения *mesdames et monsieurs: дамы и кавалеры*) для общения советских дипломатов с иностранцами (Шафииков, 2012, с. 138).

Часто можно услышать «*Дамы и господа!*» <...> Это неудачная калька, т.е. буквальный перевод **английского** (Клубков, 2004, с. 165).

Он же обратил мое внимание, что в широко распространенной среди наших дипломатов и политиков кальке с **немецкого** «*дамы и господа*» содержится логическая ошибка (цит. по: Дуличенко, 1999).

Специально рассматривает это обращение и А.Д. Шмелёв. В его статье утверждается, что некоторые изменения в языке, о которых пишут другие лингвисты, на самом деле являются не языковыми, а социальными изменениями или даже вовсе оказываются мнимыми. Рассматривая историю обращения *господа*, он замечает, что для некоторых носителей языка оно «непривычно и вызывает неуверенность при необходимости обратиться к разнополой аудитории. Отсюда возникает калькированное обращение “*Дамы и господа!*” и версия, будто именно это обращение было общепринятым в предреволюционной России», тогда как «на самом деле в предреволюционном речевом этикете *госпо-*

да было стандартным обращением к разнополой аудитории (кстати, об этом косвенно свидетельствуют и тексты русской классической литературы)» (Шмелёв, 2008, с. 237).

К аргументу о возможности использования слова *господа* при обращении к смешанной аудитории для доказательства несуществования обращения *дамы и господа* прибегают также и процитированные выше А. Гулыга («“господа” — это множественное число не только от “господин”, но и “госпожа”»), П. А. Клубков («слово *господа* в равной степени соотносится с формами единственного числа *господин* и *госпожа*») и С. Г. Шафиков («понятие “господа” включает как мужчин, так и женщин»). Последний ссылается на толкование в словаре Д. Н. Ушакова («Вежливое обращение к нескольким лицам (к мужчинам или к мужчинам и женщинам вместе; дореволюц.)» (Ушаков, 1935, с. 607)) и замечает: «Чтобы это доказать, достаточно обратиться к формам обращения, принятым до 1917 года».

Несмотря на отсылки к классической литературе или предложения обратиться к дореволюционным текстам, конкретных примеров, показывающих, как было устроено обращение к разнополой аудитории в досоветскую эпоху, нам не удалось найти ни в одной из работ. Поэтому настоящая статья посвящена исследованию истории и прагматики обращения *господа* (а также *дамы и господа* и других вариантов), основанному на корпусных данных. Параллельно с этим будет рассмотрена сочетаемость слова *господа* в функции обращения и другие аспекты его употребления.

2. Дамы и господа

Начнем исследование с обращения *дамы и господа*. По данным Национального корпуса русского языка, в XIX веке обращение *господа* к смешанной аудитории встречалось хотя и редко, но значительно чаще обращения *дамы и господа* (как и утверждали авторы процитированных в первом разделе работ). Однако то, что последнего не было вовсе, утверждать нельзя.

Самое раннее употребление мы находим в «Анне Карениной» Л. Н. Толстого (1878) (здесь и далее в примерах курсив наш. — А. А., Е. М.):

(1) — Какой опыт? столы вертеть? Ну, извините меня, *дамы и господа*, но, по-моему, в колечко веселее играть, — сказал старый князь, глядя на Вронского и догадываясь, что он затеял это.

С одной стороны, наличие этого обращения в тексте Толстого едва ли можно назвать случайностью. С другой стороны, *дамы и господа* — гапакс языка Толстого: оно не встречается более нигде в 91-томном полном собрании сочинений. Вероятно, здесь оно является переводом аналогичного французского выражения, которое должен был бы в реальной жизни использовать князь Александр Щербацкий: в «Анне Карениной», в отличие от написанного десятью годами ранее «Войны и мира», Толстой отходит от использования французского языка в воспроизведении речи членов высшего света того времени (см. об этом

(Виноградов, 1939, с. 148)). Беглое изучение текста «Войны и мира» позволяет также найти одну ситуацию обращения к смешанной аудитории, и выглядит она так:

(2) — Ну, *messieurs et mesdames*, — сказал Николай громко и как бы весело (графине Марье казалось, что это нарочно, чтоб ее оскорбить), — я с шести часов на ногах.

Здесь интересен порядок членов конструкции: это еще предстоит изучить на большем корпусе французских текстов, однако в русско-французском параллельном подкорпусе НКРЯ такая последовательность не встречается ни разу, тогда как все немногочисленные переводы русского обращения *господа* на французский язык выглядят как *mesdames et messieurs* (иногда через дефис или запятую вместо *et*). Впрочем, поиск в Google. Books дает и другие примеры употребления этого обращения с таким порядком. Как указывал в Л. Вагнер в 1894 году, «стереотипной формуле “Ladies and Gentlemen” еще не исполнилось и ста лет. До 1808 года она выглядела как “Gentlemen and Ladies”, соответствуя французскому “Messieurs et Mesdames” и немецкому “Meine Herren und Damen”» (Wagner, 1894). Кроме того, в ряде франкоязычных учебников английского языка середины и конца XIX века особо подчеркивается, что принятому во Франции порядку *Messieurs et Mesdames* соответствует английский порядок *Ladies and Gentlemen* (например, (Georg, 1868, p. 61)).

Что же касается аналогичных русских употреблений с инвертированным порядком членов, такие примеры встречаются крайне редко. Есть лишь одно раннее употребление в НКРЯ:

(3) *Господа и дамы!* Мне хотелось для именин Марьи Карловны сделать маленький сюрприз: я и пригласил музыканта, чтоб нам играть разные танцы [В. А. Соллогуб. История двух калош (1839)].

И один пример в Google. Books — в книге «Бес в столице: литературные фантазии» И. Спиридонова 1872 года.

Однако вернемся к конструкции с привычным порядком членов. Кроме употребления в «Анне Карениной», других примеров с таким порядком в текстах XIX века, представленных в НКРЯ, нет. Несколько, впрочем, можно найти с помощью сервиса Google. Books, но они ничего не говорят об использовании обращения *дамы и господа* в России: одно употребление встречается в переводе романа Э. Т. А. Гофмана с немецкого языка, еще три — в сочинении П. Попова «В глуши Америки», где так обращаются друг к другу американцы, то есть имитируется английская речь (интересно, что здесь обращение *дамы и господа* в одной и той же ситуации чередуется с обращениями *господа и дамы*, просто *господа* и *лэди* (sic!) и *джентльмены*).

В раннее послереволюционное время в НКРЯ находится пять примеров употребления этого обращения. Одно — в романе Б. А. Садовского «Карл Вебер» 1923 года:

(4) — Почтенные *дамы и господа!* Я еду издалека и вот уже третьи сутки не покидаю седла.

Еще три в текстах А.И. Куприна 1929 и 1932 годов и одно — у П.Н. Краснова (1939). В примере из Садовского реплика принадлежит персонажу, рожденному, скорее всего, в Германии, произведения же Куприна написаны в эмиграции в Париже (и это обращение могло возникнуть под влиянием соответствующего французского), а персонаж Краснова говорит по-немецки (и *дамы и господа* приводятся в скобках как перевод немецкого *meine Damen und Herren*). Хотя все упомянутые авторы имели возможность освоить дореволюционный этикет, мы ни для одного из примеров не можем с уверенностью утверждать, что он подтверждает использование обращения *дамы и господа* в дореволюционном этикете.

После перерыва в 40-х и 50-х годах значительное количество употреблений обращения *дамы и господа* обнаруживается в 1960-е и позже, однако эти употребления уже однозначно не имеют отношения к дореволюционному этикету: за редким исключением они встречаются либо в книгах, где действие происходит на Западе (5), либо как обращение к западной аудитории (6), либо как маркер иронии или шутки (7):

(5) Первым поднялся дю Барнстокр. — *Дамы и господа!* — сказал он [А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Дело об убийстве, или Отель «У погибшего альпиниста» (1970)].

(6) *Дамы и господа*, послы и товарищи! Разрешите начать очередной матч по играм с перестановками [Л. Остерман. Профессор Верейский (литературный сценарий) // Химия и жизнь. 1965].

(7) Лапидис весело, как будто в цирке, обратился к публике: — Уважаемые *дамы и господа*, а теперь от экономики перейдем к строительству! [А. Львов. Двор (1981)].

Абсолютное большинство примеров в корпусе представлено употреблениями в текстах после 1991 года, где *дамы и господа* становится нейтральным обращением в официальной обстановке или, напротив, шуточным обращением в неформальном общении. Какое-то время, однако, еще сохраняется противопоставление *господ* и *товарищей*, как, например, в воспоминаниях капитана круизного корабля:

(8) Перед отправлением я всегда по громкой связи прошу не сорить и спрашиваю: «Как вас звать: "дамы и господа" или "товарищи"?» Лучше, говорят, господа. Потом посмотришь, что после этих господ остается. Свилярник, а не теплоход! [С. Шерстенников. Вниманию водоплавающих (1997) // Столица. 1997. 13.05].

Обратимся также к материалу толковых словарей. Возможность слова *дама* употребляться в функции обращения не упоминается ни в одном словаре до 1960 года. Впервые такое употребление фиксируется либо в четвертом издании толкового словаря С.И. Ожегова (1960), либо в девятом издании под редакцией Н.Ю. Шведовой (1972)¹. Толкование

¹ Нам не удалось получить доступ к четвертому изданию словаря Ожегова, однако исходя из того, что такое употребление не зафиксировано в третьем издании, но упомянуто в девятом, а издания с пятого по восьмое воспроизводили четвертое без изменений, остаются лишь эти два варианта.

этого слова в таком значении, однако, не вполне прозрачно: «Вообще о женщине — как форма вежливости». Остается непонятным, что здесь подразумевается под «формой вежливости»: имеется ли в виду действительно обращение или же речь идет о сравнительно вежливом референтном употреблении в контексте вроде *одна дама из бухгалтерии просила передать* в противопоставление более нейтральной формулировке *одна женщина / гражданка из бухгалтерии просила передать*.

В двадцать первом издании (1989) это определение несколько меняется: «По отношению к иностранкам: форма вежливого обращения, упоминания (вообще о женщинах разг.)». Обращает на себя внимание как подчеркивание иностранного адресата этого обращения (подробнее см. в разделе 4), так и упоминание разговорного статуса в случае, когда речь идет о женщинах вообще (смысл этого уточнения также не вполне ясен, однако наиболее вероятным нам кажется понимание, что при референции к иностранке это слово выступало нейтральным вежливым наименованием (*одна дама из делегации просила передать...*), тогда как при референции к советской женщине — лишь разговорным наименованием как в сконструированном примере выше). В этом же издании впервые фиксируется и обращение *дамы и господа*: столь поздняя фиксация неудивительна, ведь в российской лексикографической традиции словари фиксируют узус с большим опозданием, однако дает дополнительный аргумент в пользу того, что до революции такого обращения в норме не существовало. Толкуется оно здесь следующим образом: «Традиционное начало официальных речей, обращенных к иностранцам».

Упоминание иностранцев (как по отношению к *дамам*, так и к *дамам и господам*) по понятным причинам исчезает уже в ближайшем переработанном издании — 1992 года, первом издании под авторством Ожегова и Шведовой, отчего толкование становится совсем неясным: «Форма вежливого обращения, упоминания (вообще о женщинах разг.)». Вероятно, мы уже никогда не узнаем: это результат оплошности лексикографов (статья осталась недоредактированной после ликвидации из нее иностранцев) или же неудачно сформулированное, однако содержательное толкование, подразумевающее нечто вроде разговорного *Дамы, а не выпить ли нам еще по стаканчику?* (вполне возможного в женском коллективе в 2020 году, но непонятно, возможного ли в начале 1990-х).

Подведем промежуточные итоги. Материал НКРЯ и Google. Books показывает, что, с одной стороны, не правы те, кто утверждает, что обращение *дамы и господа* — неологизм 1990-х: мы находим примеры использования этого выражения в XIX — начале XX века. С другой стороны, упоминание обращения *дамы и господа* в качестве элемента дореволюционного этикета без дополнительных оговорок также не вполне корректно: чрезвычайно малое количество примеров, по-видимому, свидетельствует о нестандартности этой формы обращения — равно как и появление этой конструкции (в отличие от обращения *господа*) лишь в словаре Ожегова.

В заключение этого раздела обратим внимание на еще одну сочиненную конструкцию обращения к смешанной аудитории. С 1835 года в текстах пять раз фиксируется обращение *господа и госпожи* (не считая

примера из «Лолиты» В. Набокова), один — *госпожи и господа*, у Н. Карамзина в 1793 году (в последнем случае, однако, описывается путешествие по Германии, поэтому правильнее это считать переводом немецкой фразы). В качестве обращения *господа и госпожи*, по-видимому, представляют собой русский аналог *господ и дам*, однако в функции референции (17 употреблений) их употребление несколько необычно: более чем в половине случаев они употреблены в конструкции *все эти господа и госпожи* (или просто *эти господа*), что, вероятно, показывает некоторую ироничность и неодобрительное отношение пишущего к тем, кого он так называет. Кроме того, дважды встречается сочетание *господа и барыни* и один раз *господа и барыни с барышнями*, однако только в функции референции.

3. Господа до революции

Вернемся к обращению *господа*. Как было сказано выше, лингвисты расходятся во мнениях, было ли возможно это обращение в дореволюционном этикете по отношению к смешанной аудитории, однако конкретные доказательства такой возможности (кроме толкования из словаря Ушакова) не приводятся. Можно ли это проверить с помощью корпусных данных?

По запросу в виде точной формы *господа* мы получаем 24433 вхождения в 5278 документах. Часть из них является не интересующими нас омонимами — формами слова *господь* в родительном или винительном падеже единственного числа. Даже после отсеечения омонимичных результатов количество «мусора» все равно чрезвычайно высоко: это слово *господа* не в апеллятивной, а в референтной функции. При равномерной выборке дореволюционных текстов в виде каждой третьей страницы корпуса при ста документах на каждой обращениями оказывались от 23 до 61 % всех вхождений слова *господа*, в среднем — лишь 41 % употреблений. Однако наиболее кропотливой работой была даже не очистка данных от референтных употреблений, а анализ интересующих нас контекстов, поскольку зачастую даже расширенный контекст в выдаче НКРЯ не позволял понять, использовано ли данное употребление слова *господа* по отношению к смешанной аудитории. В большинстве случаев приходилось обращаться к полному тексту произведения.

Рассмотрим следующий пример из романа В. Т. Нарезного «Бурсак» (1822):

(9) Для ободрений робкой милой подруги я старался идти сколько можно отважнее и, выступая с щегольскими ухватками, говорил ей на ухо по-польски: «Любовь не знает опасности». <...>

— *Господа!* — сказал наш путеводитель, — побудьте здесь, а я пойду доложить о вас нашему начальнику; между тем у меня позавтракайте, и мои люди будут вам, как самому мне, прислуживать.

На первый взгляд, этот пример является искомым: здесь в чистом виде демонстрируется использование обращения *господа* по отношению к рассказчику и его подруге. Однако после подробного знакомства

с текстом выясняется, что в данном эпизоде женщина замаскирована под мужчину, поэтому это не пример обращения к смешанной аудитории. Подобная работа была необходима для большинства контекстов.

Завершив ручную обработку, мы получили корпус примеров, позволяющий сразу же ответить на вопрос, было ли возможным использование обращения *господа* при адресации к смешанной аудитории. Действительно, подобные примеры встречаются в русской литературе как минимум с начала XIX века:

(10) Вскоре и подлинно вошел приказный, но не один: ибо ввалилась с ним целая толпа *мужчин, женщин и детей* разного возраста и пола.

— Прошу садиться, господин приказный, — сказал Трис-мегалос; — а вы кто, честные *господа*, и зачем пожаловали? [В. Т. Нарезный. Российский Жилблаг, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова (1814)].

(11) Вокруг катафалка, как рой трутней, вертелась толпа *придворных дам и мужчин*: они шептались, шаркали, любезничали, волочились с видом деловой важности, очевидно, воображая, что отправляют службу отечеству. «Да, *Господа*, — подумал я, — это ваше дело. Вы всегда у места там, где нечего делать» [А. В. Никитенко. Дневник (1826)].

(12) — «Здорово, *господа*», сказал Петр с веселым лицом. Все низко поклонились. Быстрые взоры царя отыскивали в толпе молодую хозяйскую дочь; он подозвал *ее* [А. С. Пушкин. Арап Петра Великого (1828)].

(13) На другой день детей разбудила горничная. — Вставайте, *господа*, поскорее, Глафира Петровна и без того сердится, что вы их комнату заняли, — сказала она, слегка расталкивая спавших. [А. Н. Анненская. *Брат и сестра* (1880)].

(14) [в комнате присутствуют *мужчины и две женщины*]

Входит Елена Андреевна

Серебряков: Вот и *Леночка*... Садитесь, *господа*.

Пауза.

Я пригласил вас, *господа*, чтобы объявить вам, что к нам едет ревизор [А. П. Чехов. Леший (1890)].

При этом примеров обращения к смешанной аудитории крайне мало: в выборке до 1917 года их встретилось лишь 44 из 2200, или 2 %. Едва ли это исключительно лингвистический факт: скорее, дело в том, что в дореволюционной России необходимость обращения к смешанной аудитории встречалась значительно реже, чем в советской и постсоветской, поэтому столь малый процент характеризует редкость не столько обращения, сколько самой ситуации.

Интересно, что со временем количество обращений к смешанной аудитории растет: в XIX веке процент таких обращений по отношению к общему числу обращений *господа* на сто документов колеблется от 0,5 до 1,5 %, в первой половине XX века — от 3 до 9 %, но с 1970-х годов их количество резко возрастает и варьируется от 37 до 63 % (сюда, впрочем, включены в том числе и обращения к читателям текста и прочие обращения к *потенциально* смешанной аудитории — например, значительное количество употреблений на интернет-форумах в 2000-е годы). Природу столь резкого роста еще предстоит выяснить путем анализа большего

корпусного материала. Сейчас же отметим лишь параллель: рост обращения *господа* к смешанной аудитории совпадает со скачкообразным ростом обращений *дамы и господ*, хотя, казалось бы, второе должно было подействовать на первое строго противоположным образом.

Вернемся к качественному анализу. Референтные употребления также оказываются полезны для выяснения гендерного состава слова *господа*.

(15) Поди к Алим, — продолжал он, — и уведомив его обо всем, вели сделать приказ, чтоб завтра поутру съезжались ко двору все *господа обоего пола* в светлых и торжественных одеждах [М. Д. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки (1766–1768)].

Здесь прямым текстом говорится, что *господа* может относиться к представителям обоих полов. Аналогично устроен и следующий пример:

(16) Не приезжали ли сюда *господа: двое мужчин да три женщины?* [И. А. Крылов. Пирог (1799–1801)].

Впрочем, возможно, в таких примерах слово *господа* употреблено не как нейтрально-вежливое название группы людей, но в качестве референции к представителям определенного сословия (противопоставление *господа ~ слуги* довольно часто для текстов XIX века) и потому может и не относиться к нашей теме.

На гендерную нейтральность обращения *господа* косвенно указывает и возможность его употребления в сказочной ситуации, где действующими лицами являются объекты, не маркированные по полу (но обладающие грамматическим родом), или животные:

(17) — И мне тоже... — тоненькими голосами ответили какие-то зеленые *травки*.

— Я давно иду отсюда, из степи... — рассказывало татарское *мыло*. <...> Вообще очень трудно, *господа!* [Д. Н. Мамин-Сибиряк. На пути (1891)].

Далее в этом диалоге, однако, *мыло* обращается к *травкам* словом *братцы*, о гендерной нейтральности которого едва ли можно говорить, из чего, вероятно, следует, что бесполое объекты, хотя и женского рода, оформлялись в текстах по мужской схеме:

— Трудно, трудно, — ответила зеленая *травка*. — У тебя и вид такой усталый. Впрочем, когда переберешься туда, через горы, там отдохнешь.

— Когда-то еще переберусь, *братцы!*.. — ворчало татарское *мыло*.

Вот еще несколько аналогичных примеров:

(18) — Погодите, *господа!* — воскликнул Щелкунчик. — Кто-то во всю прыть бежит по подполу... (обращается к двум куклам, барашку и волчку. — А. С., Е. Г.) [Игрушки и их враги (из журнала «Задушевное слово») (1900–1917)].

(19) На ветвях липы явился действительный статский снегирь, он милостиво раскланялся с птицами и заскрипел:

— Э, н-не за-амечаете ли вы, *господа*, что в воздухе пахнет чем-то, э...

— Весенний воздух, вашество, — сказал *воробей*. А *ворона* томно склонила голову набок и каркнула звуком нежным, как бляение овцы [М. Горький. Весенние мелодии (1901)].

Выделим и другие аспекты употребления обращения *господа*. Как и в современном языке, после него часто употреблялось существительное, обозначающее группу, профессию и т.п., представителями которых являются те (практически — если не абсолютно — всегда мужчины), к кому обращается говорящий, — *господа моряки, господа кавалеры, господа присяжные (заседатели), господа ротные командиры, господа артисты* и т.п. Включая и достаточно нетривиальные примеры (впрочем, обращение *господа старички* встречается сразу у трех разных авторов):

(20) — Что ж, *господа старички*, запинаясь от радостного волнения, отвечал Андрон, — как вы поводите! [А.И. Эртель. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги (1889)].

(21) Так... Эхе-хе... *господа люди!* И что с вами будет?... Ну-ка хоть я помету здесь. Где у вас метла? [М. Горький. На дне (1902)].

Нередко этим существительным было название народа:

(22) Но почему же вы сами-то, *господа евреи*, не приняли этих законов гуманности? [М.О. Меньшиков. Еврейские претензии. 1913. 09.10].

(23) С праздником, *господа свободные эстонцы!* [В.Я. Шишков. Пейпус-озеро (1924)].

Любопытным нам кажется и подобный пример игрового употребления, где староста обращается к крестьянам в конце XIX века (правда, сама книга написана лишь в 1939 — 1946 годах):

(24) Герасим и Евдоким почти в один голос сказали:

— Здорово, *господа мужики!*

Кто-то протяжно ответил:

— Здорово-здорово, благодетели!

Вдова Ермолая Пьянкова довольно громко проговорила:

— А нас, бабы, и за людей не считают. От старосты одним мужикам почтение.

Архип Хромков пошутил:

— Не горюйте, бабы. Так и быть, я за старосту с вами поздороваюсь. Здорово, *господа бабы!* — крикнул он.

Необычны для современного языка несколько примеров конца XVIII — начала XX века, когда последующее существительное стоит в единственное число, обозначая совокупность лиц: *господа сенат* (такое обращение упоминается в том числе и в словаре Даля: «При Петре I говорили: *господа сенат*, вм. *сенаторы*» (Даль, 1863, с. 341)), *господа молодежь, господа начальство, господа полиция, господа купечество, господа компания, господа громада, господа правосудие* и даже *господа войско Яицкое*:

(25) — *Господа публика*, прошу со сцены! — раздался голос содержателя [А.Ф. Писемский. Люди сороковых годов (1869)].

Кроме того, мы обнаружили одно сочетание, прагматика которого оказалась не вполне понятной, — это сочетание *господа и братья*. Оно неоднократно встречается в очень старых текстах, однако нам не удалось однозначно понять, кем и по отношению к кому оно употреблялось. Вероятно, первая часть обращения отвечала за статус и уважительность, а вторая — за близость. Ср., например, следующие примеры:

(26) ...Нижегородский князь Борис созвал своих бояр и молил их «с плачем и слезами», говоря: «*Господа и братья*, бояре и друзья! попомните свое крестное целование ко мне и нашу к вам любовь» [В.О. Ключевский. Боярская дума древней Руси (1902); описанные события происходят в XIV веке].

(27) Предупреждая, что вслед затем придет с государевым требованием дьяк Третьяк Далматов, они просили согласия всего Пскова в таких словах: — *Господа и братия наши!* Посадники, и все псковичи, и вся Земля Псковская! [Н.И. Костомаров. Русская республика (1994); события происходят в начале XVI веке].

(28) Ясневелможные милостивые господа, послы полномочные Пресветлейшего Царства Великого Московского, мои зело милостивые *господа и братья!* [Памятники дипломатического сношений древней России с державами иностранными; текст является переводом польского письма, написанного в XVII веке].

Сочетаемость же слова *господа* с прилагательными не характеризуется чем-либо особенным: в основном это этикетные прилагательные — *почтеннейшие, милостивые, высокопочтенные, честные* (последнее — как в пре-, так и в постпозиции), *хорошие* (в постпозиции; вопреки нашему ожиданию, это сочетание не новое, а встречается с 1892 года).

4. *Господа* после революции

Как известно, после революции правила речевого этикета кардинальным образом изменились. Это коснулось и обращений: на смену *господам* приходят *товарищи*, причем это социальное противопоставление представлено как в обращениях, так и в референциальных употреблениях:

(29) Только и слышно было на все лады: «*Господа! Господа!*» Тарас не выдержал и расхохотался. — *Господа-то господа!* — сказал он, лукаво прищурился. — *А товарищи... догоняют!* [Б.Л. Горбатов. Непокоренные (1943)].

(30) Трамвай набит до невозможности.
— *Господа*, подвиньтесь! Красноармеец, оборотысь!
— *Господа* под Гатчиной легли [А.М. Ремизов. Взвихренная Русь (1917–1924)].

Похожее обвинительное *господа* приводит в своих воспоминаниях Марина Цветаева, описывая попытку сестры в поезд:

(31) Недоверчивые обороты голов в нашу сторону.

— *Господа!*

— Москву объели, деревню объедать пришли!

— Ишь натаскали добра крестьянского! [М.И. Цветаева. Вольный проезд (1918)].

В качестве нейтрального обращение *господа* еще долго встречается в текстах, описывающих общение друг с другом белогвардейцев и других представителей «старого режима».

В текстах можно найти и несколько интересных примеров смешанных обращений переходного периода:

(32) Растрепанный, измученный хозяин торговли сырами плакал:

— *Господа граждане!* Да что же это такое! Так нельзя! Граждане-то вы хоть граждане, а порядок надо соблюдать!

Очевидно, новый чин, пожалованный обывателю, тяжким седлом седлал шею брошенного на произвол свободы торговца... [Ф.Д. Крюков. Обвал // Русские Записки. 1917].

(33) А помощник на это хмуро заметил: «За государственность теперь, *господа товарищи*, можно попасть в каталажку» [М.М. Пришвин. Дневники (1917)].

Ср. также интересный пример своего рода самоисправления в еще одном фрагменте воспоминаний Цветаевой:

(34) *Господа!* Вы слишком заняты своей жизнью, вам некогда подумать о моей, а — стоило бы... (Ну не «*господа*», — «*граждане*»...) [М.И. Цветаева. Дневниковые записи (сентябрь 1940)].

Комментируя подобные обращения, М.А. Кронгауз замечает, что в них «господин выполняет свою привычную функцию вежливого официального обращения, а товарищ обозначает принадлежность к классу» (Кронгауз, 2007, с. 78). Обратим внимание, что первые *господа товарищи* встречаются еще в 1910 году у М. Горького, чему мы, однако, не находим объяснения:

(35) Господи, думаю я, из этого образуется несчастье для всех! И тоже влез, чтобы сказать: *господа товарищи*, русские люди, говорю, — первое всего не о себе, а о России надо думать, о всем народе [М. Горький. Жизнь Матвея Кожемякина (1910)].

Со временем *господа товарищи* становится шутливым обращением, историческая двусоставность которого затирается, что подтверждается встречающимся время от времени дефисным написанием:

(36) Шилов, букинист, знал цену «историзму», он желал обменять товар на товар, минуя денежную стоимость. «Помилуйте, *господа-товарищи*, это ж дневник Балашова!» [Ю. Давыдов. Синие тюльпаны (1988–1989)].

Само же слово *господа* в советское время используется для обращения к представителям запада: причем как нейтрально — в официальной коммуникации (37) (ср. также (38), где обращение адресовано одновременно и советским, и иностранным ученым), так и с отрицатель-

ной коннотацией как к представителям враждебного лагеря (39). Впрочем, эти два типа не всегда возможно разделить (40). Аналогично — с отрицательной коннотацией — *господа* используется и в функции референции (41). Такие употребления хорошо иллюстрируются примерами из газет (кроме (38)):

(37) За столом прессы — советские и иностранные журналисты. <...> Маршал Советского Союза Жуков обращается к присутствующим.

— *Господа*, — говорит Маршал, — мы собрались здесь по уполномочию Верховного Главнокомандования Красной Армии [«Молот». 1945. 10.05].

(38) В конце банкета я обратился к собравшимся со следующим спичем: «*Господа и товарищи!* На протяжении всех этих незабываемых дней мы много толковали о субъективной вероятности» [И.С. Шкловский. Новеллы и популярные статьи (1982)].

(39) Сейчас, когда бельгийские колонизаторы при поддержке американских, английских и прочих империалистов пытаются задушить получивший независимость народ Конго, хочется громко заявить душителям народов: «Хватит, *господа*, наживаться на крови и поте народов, убирайтесь домой!» [«Правда». 1960. 12.08].

(40) И, по всей вероятности, опять многие представители капиталистического мира будут вопрошать: почему именно советская женщина стала первым в истории капитаном космического корабля? <...> На этот вопрос уже ответил однажды Никита Сергеевич Хрущев: «Не ищите загадок, *господа*, их нет» [«Вечерняя Москва». 1963. 16.06].

(41) Не пожалеют ли теперь *господа* капиталисты, что они ввязались в это дело? Кампания о «принудительном труде», начатая с антисоветскими целями, уже поворачивается своим острым концом против капиталистического рабства [«Известия». 1931. 11.03].

Интересно, что в обратную сторону, при переводе обращений иностранцев к представителям СССР, использованное в оригинале обращение переводится словом *господа*:

(42) *Господа* члены Президиума Верховного Совета СССР, с глубоким волнением мы (король Марокко и марокканский народ. — А.С., Е.Г.) восприняли весть о кончине Президента Леонида Ильича Брежнева [«Известия». 1982. 16.11].

Однако в неофициальном общении интеллигенции (по крайней мере в позднесоветское время) *господа* могли использоваться в качестве обращения как некий протест против официального дискурса. Ср., например, частное сообщение лингвиста Е. Я. Шме-

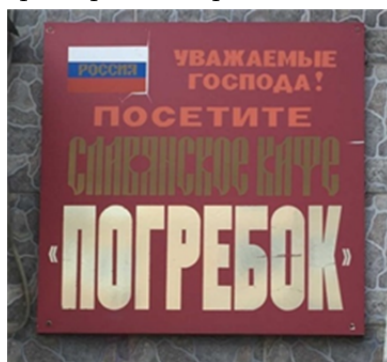

Рис. 1. Вывеска в Москве, 21.03.2020

левой: «В нашей компании (2 школа, МГУ) в Москве 70–80-х стандартное обращение было “господа” ... к аудитории, где были и мужчины, и женщины». Вероятно, присутствовало и региональное варьирование: согласно другому частному сообщению – белорусского лингвиста М. Романовского, на рубеже 80–90-х его минские знакомые удивлялись, что в Москве, где он тогда учился, ему доводилось периодически слышать обращение *господа*; в Минске же это воспринималось исключительно иронически.

Наконец, после распада Советского Союза речевой этикет в очередной раз меняется и слово *господа*, потеряв негативную окраску, возвращается в употребление: сначала, как и после революции, недолгое время конкурируя и сосуществуя с *товарищами* (ср. пример (8) выше), затем уже полностью нейтрально. Во многом обращение *господа* вернулось к дореволюционным правилам, хотя есть и ряд отличий: в письменных объявлениях значительно чаще, чем просто отдельное слово, используется сочетание *уважаемые господа* (вероятно, в большей степени это характеризует слово *уважаемый*, чем слова *господа*: *уважаемый* начинает использоваться в обращениях лишь с 1920-х годов, а до того практически не встречается) (рис. 1). Кроме того, *господа* не используется как обращение в приятельской среде (ср. дореволюционные диалоги гимназистов), а также, по ощущениям, значительно реже, чем в дореволюционную эпоху, используется при неироничном обращении к группе людей в достаточно неформальной обстановке (например, при обращении одного гостя к другим гостям). Из новых сфер – обращение в своем посте одного посетителя форума к другим.

Отметим, что обращение во множественном числе в конце XX века ближе подошло к дореволюционному этикету, чем обращение в единственном: в современном языке оно употребляется практически исключительно с должностями, но не с фамилиями, и только в официальной обстановке (более подробное рассмотрение обращения *господин*, впрочем, не входит в цели нашей статьи).

Завершим этот фрагмент нашего исследования примером частного случая, красиво отражающего изменения речевого этикета: это телередача «Что? Где? Когда?». В зимней серии игр 1991 года (декабрь) из интеллектуального клуба она превращается в интеллектуальное казино, и уже не позже третьей игры (19 декабря 1991 года) в ней фиксируются обращения *господа* и *господин* *крутые*.

* * *

Подведем итоги. С помощью корпусных данных мы показали, что в дореволюционном этикете обращение *господа* могло использоваться в отношении аудитории, включающей в себя не только мужчин, но и женщин (как и референтное употребление *господа* по отношению к представителям высшего сословия). Такое употребление встречается достаточно редко, однако связано это, вероятно, в большей степени с редкостью самой ситуации обращения к смешанной аудитории, чем с сугубо лингвистическими причинами. После революции это обраще-

ние уходит, однако постепенно начинает возвращаться во второй половине XX века, причем количество употреблений по отношению к смешанной аудитории растет, несмотря на то, что одновременно с этим резко растет количество обращений *дамы и господа*. Относительно последнего мы можем сказать, что в дореволюционных текстах оно встречается, но чрезвычайно редко и в достаточно спорных контекстах — и потому, вероятно, не может считаться стандартной и нормативной формой обращения того времени. Соответственно, выражение *дамы и господа* в русском языке следует скорее считать продуктом середины XX века, широко вошедшим в язык только в 1990-х годах.

Список литературы

- Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета. М., 2001.
- Виноградов В. В. О языке Толстого: (50–60-е годы) // Л. Н. Толстой / АН СССР. Ин-т рус. лит. М., 1939. Кн. I. С. 117–220.
- Гулыга А. Господа! // Литературная газета. 1989.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Часть первая. А–З. 1-е изд. М., 1863.
- Дуличенко А. Д. Этносоциоллингвистика «Перестройки» в СССР: Антология запечатленного времени. Мюнхен, 1999.
- Ефремов В. А. Трансформации русского речевого этикета: обращения // *Universum*: Вестник Герценовского университета. 2010. №10. С. 44–48.
- Кабачки В. В., Прокишина З. Г. В чужой монастырь со своим лингвокультурным уставом: обращение // *Личность, Культура, Общество*. 2012. Том XIV, вып. 1, №69–70. С. 164–173.
- Клубков П. А. Говорите, пожалуйста, правильно. СПб., 2004.
- Кронауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2007.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка. 9-е изд. М., 1972.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка. 21-е изд. М., 1989.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 1-е изд. М., 1992.
- Пахомова И. Н. Новые явления в русском речевом этикете (на материале средств массовой информации) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
- Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. Т. 1. А — Кюрины. М., 1935.
- Шафиков С. Г. Уважительное обращение в европейских языках и проблема русского адресива // *Вестник Башкирского университета*. 2012. Т. 17, №1. С. 133–138.
- Шмелёв А. Д. Эволюция русской языковой картины мира и культура речи // *Russian Language Journal*. 2008. Vol. 58, Special Issue: Language Culture in Contemporary Russia. P. 229–248.
- Georg L. Grammaire élémentaire et pratique de la langue anglaise: Ouvrage accompagné de nombreux exercices de conversation et suivi de deux vocabulaires alphabétiques. Genève, 1868.
- Wagner L. Manners, Customs and Observances: Their Origin and Significance. L., 1894.

Об авторах

Антон Александрович Сомин, научный сотрудник, Российский государственный гуманитарный университет, Россия.

E-mail: somin@tut.by

Екатерина Михайловна Гриднева, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

E-mail: egridneva@hse.ru

Для цитирования:

Сомин А. А., Гриднева Е. М. Обращение *господа* в исторической перспективе // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, №4. С. 91–107. doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-8.

HISTORICAL PERSPECTIVE ON THE WORD *GOSPODA* AS A FORM OF ADDRESS

A. A. Somin¹, E. M. Gridneva²

¹ Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5793-8644>

² National Research University Higher School of Economics
21/4 Staraya Basmannaya St., Moscow, 105066, Russia

Submitted on April 23, 2019
doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-8

*Using the method of corpus analysis, this article explores the history of the Russian honorific *gospoda* and related forms of address: *damy i gospoda*, *gospoda-tovarishchi*, and other noun-noun and adjective-noun collocations (*gospoda publika uvažаемые gospoda*). It draws on examples from literature to demonstrate that although, contrary to popular belief, the honorific *damy i gospoda* is not a neologism of the end of the 20th century, it was marginal to pre-revolutionary speech. It is also shown that, albeit rarely, the word *gospoda* was used before the Russian Revolution to address a mixed company. Abandoned after the Revolution, the honorific underwent a revival in the second half of the 20th century when it was used more often to address a mixed company than it had been in tsarist times. Probably, this was accounted for by extra-linguistic factors. Special attention is given to the use of the honorific *gospoda* in periods of transition: at the beginning and end of the Soviet era and after the collapse of the USSR.*

Keywords: honorifics, forms of address, *gospoda*, *damy*, speech etiquette, *tovarishchi*, revolution

References

- Balakai, A.G., 2001. *Slovar' russkogo rechevogo etiketa* [Dictionary of Russian speech etiquette]. Moscow (in Russ.).
- Vinogradov, V.V., 1939. *O yazyke Tolstogo: (50 – 60-e gody)* [Towards the language of Tolstoy: (50's and 60's)]. USSR Academy of Sciences. Institute of the Russian literature (in Russ.).
- Gulyga, A., 1989. *Gentlemen! Literaturnaya gazeta* [Literary newspaper] (in Russ.).
- Dal', V.I. 1863. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. Chast' pervaya. A – Z* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Part one. A-Z]. Vol. 1. Moscow (in Russ.).
- Dulichenko, A.D., 1999. *Etnosotsiolingvistika «Perestroiki» v SSSR: Antologiya zapечатlennogo vremeni* [Ethnosociolinguistics of “Perestroika” in the USSR: Anthology of the Captured Time]. Munich (in Russ.).

Efremov, V. A., 2010. Transformations of the Russian speech etiquette: forms of address. *Universum: Vestnik Gertsenovskogo universiteta* [Bulletin of the Herzen University], 10, pp. 44–48 (in Russ.).

Kabakchi, V. V. and Prokshina, Z. G., 2012. When in Rome, do in your linguistic and cultural way: forms of address. *Lichnost', Kul'tura. Obshchestvo* [Personality. Culture. Society], Vol. XIV, 1 (69–70), pp. 164–173 (in Russ.).

Klubkov, P. A., 2004. *Govorite, pozhaluista, pravil'no* [Please speak correctly]. St. Petersburg (in Russ.).

Krongauz, M. A., 2007. *Russkii yazyk na grani nervnogo sryva* [The Russian language on the verge of a nervous breakdown]. Moscow (in Russ.).

Ozhegov, S. I., 1972. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Vol. 9. Moscow (in Russ.).

Ozhegov, S. I., 1989. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Vol. 21. Moscow (in Russ.).

Ozhegov, S. I. and Shvedova, N. Yu., 1992. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Vol. 1. Moscow (in Russ.).

Pakhomova, I. N., 2008. *Novye yavleniya v russkom rechevom etikete (na materiale sredstv massovoi informatsii)* [New phenomena in the Russian speech etiquette (based on media)]. Ph. D. Pushkin State Russian Language Institute (in Russ.).

Ushakov, D. N., 1935. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. Tom 1. A – Kyuriny* [Explanatory dictionary of the Russian language. Volume 1. A – Kyuriny]. Moscow (in Russ.).

Shafikov, S. G., 2012. Honorifics in European languages and the problem of the Russian address form. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University], 17 (1), pp. 133–138 (in Russ.).

Shmelev, A. D., 2008. The evolution of the Russian linguistic picture of the world and the culture of speech. *Russian Language Journal, Special Issue: Language Culture in Contemporary Russia*, 58, pp. 229–248 (in Russ.).

Georg, L., 1868. *Grammaire élémentaire et pratique de la langue anglaise: Ouvrage accompagné de nombreux exercices de conversation et suivi de deux vocabulaires alphabétiques*. Genève.

Wagner, L., 1894. *Manners, Customs and Observances: Their Origin and Significance*. London.

The authors

Anton A. Somin, Research Fellow, Russian State University for the Humanities, Russia.

E-mail: somin@tut.by

Ekaterina M. Gridneva, PhD Student, National Research University Higher School of Economics, Russia.

E-mail: egridneva@hse.ru

To cite this article:

Somin, A. A., Gridneva, E. M. 2020, Historical perspective on the word *gospoda* as a form of address, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 4, p. 91–107. doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-8.